

Встреча

(БЫЛЬ)

Когда Петр Сергеевич уезжал из родного края, ему всякий раз становилось грустно. Немного и приходилось отлучаться за свои полста лет, но это чувство маяты сердца он хорошо знал. В самом дальнем уголке сердца появится колкая боль и никак от нее не избавиться.

...Стоит он у огромного нераскостованного рамой окна и смотрит на улицу. Чуть не сутки цедит дождь-сыпун. Стекла без конца обмякают и льют вниз. Там, за оплывающими стеклами, идут люди. Одни укрываются зонтами, другие не обращают внимания на дождь. Но все они спешат по своим делам. Попову тоже захотелось быть в своем городе и идти в потоке металлургов на родной завод...

В Москве Попов впервые. Пятый день, как он в столице, а все не может обвыкнуться. Перед глазами то бесконечные ленты экскалятора в метро, бегущие встреч друг другу, то потоки автомашин, то волшебный городок — Выставка. Ходит по городу до мозжечка в ногах, а вот беспокойство не может унять. И, сейчас, стоя у окна, мысленно видел он каждый дом столицы, и каждый дом рождаль легенды и были о самом дорогом человеке. Все увиденное за эти дни у Петра Сергеевича отливало в три слова: Россия, революция, Ленин.

Пятый день странствует старый металлург по Москве и все ожидает, внутренне готовится к встрече с детством. Силой воли гасит он тревогу, старается думать о другом... Его поражает спокойствие москвичей. Говорят они о чем угодно, но только не о Москве. Думается металлургу: проживи он в Москве и сто лет и не перестанет удивляться красотам города, великим памятникам, творениям рук человеческих. Говорят в столице на сотне языков. Здесь Попов увидел и черных, и желтых, и белых людей. Перед каждым ему хотелось остановиться, улыбнуться по-просту, по-сибирски, и спро-

сить: — Есть ли прекраснее город на свете?

Но Петр Сергеевич не осмелился за все пять дней на такое. Дождь беззвучно падает на стекло, и за этой подвижной сеткой вырастает Красная площадь у стен Кремля. Лежит она мощной кольчужой, снятой с богатырской груди после битвы. Коснись ее рукой и тепло ощутишь.

Любой уголок столицы напоминает о Ленине. Ленин...

Это имя услышал Петр, когда его еще звали просто Петькой. Услышал семилетним мальцом от своего деда Ефима, кракостого, хмурого старика. Тайком, в черные ночи, приходили к ним в дом таинственные, как тени, люди и собирались в горнице. До поздней они вели тихий разговор и уходили, когда Петька спал. Помнилось с того времени: Ленин. Это имя проносили часто, и с уважением.

В тринадцать лет Петьку пропускали на завод смотреть, как отец управлялся в мартене с «поиманным солнцем». Любил смотреть на тяжелые струи огня, брызжащие искрами.

В те дни и произошло событие, от которого до сих пор в сердце гордость и радость, и любовь к Ильичу. Завтра он встретится с тем далеким временем... И чем ближе встреча, тем сильнее волнение.

Оплывают и оплывают окна. Все стоит и стоит Попов, заложив за спину огромные, зачернелые от огня руки. Вспомнился кузбасский город Гурьевск, друзья, проводившие его на пенсию...

На другой день Петр Сергеевич проснулся рано. Уличный шум широко вливался в раскрытое окно то утихая, то нарастая. Между двух домов свешивалось густой синевой небо, и было оно непривычно близко.

«Прояснилось, — с удовольствием отметил Петр Сергеевич. — Погодка, наконец, выставляется. Хорошо».

По-молодому вскотил с постели, сделал несколько гим-

настических упражнений и стал одеваться. Поправляя галстук перед зеркалом, Попов весело бурчал песенку. Легко, словно и не за полста лет было за плечами, Петр Сергеевич выбежал из номера, вошел в лифт и поплыл в кабине вниз. Сегодня осмотр Кремля. Кремль в это солнечное утро необычайно красив и строг. И не может Попов идти обычным шагом. Он невольно подтягивается, как солдат на смотре, внутренне сосредоточивается и тверже ставит ноги на кремлевскую землю. Смотрел внимательно на Царь-пушку, Царь-колокол, голубые ели, а в голове бесперестанно стучало: скоро увидит, скоро встретится...

Вот и дверь в кабинет Владимира Ильича. Попов медленно поднимает руку и кладет ее на грудь, где бьется сердце. Он хочет унять волнение. Робость комом сканивается у горла. Погоди, Сергеевич, не спеши. Уйми сердце, да слезу смахни — увидят. Как-то неловко в таком возрасте не уметь держаться...

Тоненькая девушка в свитере, с маленьким озорным лицом, коротко вскинула глазенки на Петра Сергеевича и улыбнулась. Мол, ничего, со всеми такое бывает. Несмотря на поддержку девушки-гида, он не мог оторвать ног от пола. Они стали непослушными, чужими.

На этажерке «вертушке» стоял обелиск... Его отливали в 1923 году из первой плавки в городе Гурьевске на металлургическом заводе. Петька в тот мартовский день упаковывал его в деревянный ящик, что сделал столяр Виктор Долгов, Петьке тогда доверили и адрес писать. Усердно «усоля во рту карандаш, он старательно выводил: «Москва. В нашу столицу. Дорогому Ленину. О металлургов Гурьевска...».

*) Окончание на 4-й стр.